

20. Дубов И. В. Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984.
21. Соколова З. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972.
22. Русская Правда. Т. I. М.; Л., 1940.
23. Kivikoski E. Langangsbacken. Helsingfors, 1980.
24. Майнандер К. Биармы // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
25. Кеппен Ф. О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России // ЖМНП. 1902, июль. Ч. 342. № 7.
26. Kivikoski E. Kvarnbacken. Helsinki, 1963.
27. Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII в. Л.: Наука, 1976.
28. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Т. I. М., 1951.
29. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси // МИА. 1956. № 51.

M. V. Fekhner

BEAVER HUNTING IN THE VOLGA-OKA INTERFLUVE

Summary

The archaeological material is used to trace down the emergence of beaver hunting among the Finno-Ugric population in the Oka and Volga interfluve. The author also touches on the problem of the cultural and economic ties between the Upper Volga and the Aland islands in the late 9th and 10th centuries.

CA, 1898 N3
 1989

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ

ТИМЕРЕВО. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА

Комплекс раннесредневековых археологических памятников у дер. Тимерево в окрестностях Ярославля хорошо известен. Он состоит из большого селища и крупной курганной группы, насчитывавшей более 400 насыпей. Раскопки курганов были начаты еще в прошлом столетии и привлекли внимание богатством и разнообразием инвентаря некоторых погребений. В настоящее время полное изучение памятника завершено экспедицией ГИМ под руководством М. В. Фехнер. Результаты работ опубликованы [1, с. 5—23; 2, с. 101—115; 3, с. 70—89; 4, с. 90—102]. Исследование поселения, на котором вскрыта площадь около 6000 м², проводила экспедиция Ленинградского университета, возглавляемая И. В. Дубовым. Таким образом, оба памятника изучены с достаточной полнотой и представляют собой первоклассный археологический источник по ранней истории Руси. Не случайно ссылки на материалы Тимерева встречаются не только в сугубо археологических, но и в обобщающих исторических работах.

Концепция исторического развития тимерево-ского поселения принадлежит И. В. Дубову и изложена в многочисленных статьях и нескольких книгах [5, с. 16—20; 6, с. 110—118; 7, с. 103—110; 8, с. 124—188; 9 и др.]. Основные выводы исследователя сводятся к следующему: 1) поселение возникло в IX в., имело торгово-ремесленный характер, являлось протогородом и играло «важную роль в трансевропейских связях, являясь ключевым пунктом на Великом Волжском пути» [7, с. 96]; 2) согласно развиваемой автором теории «переноса городов», Тимерево было непосредственным предшественником Ярославля, «перенесенного» на новое место.

В работах И. В. Дубова рисуется облик мощного исторического центра Северо-Восточной Руси, значимость которого измеряется масштабами не только государства, но и Европы. При этом на задний план отходят такие старейшие среди городов Северо-Востока, как Ростов и Суздаль. В дальнейшем Тимерево рассматривается уже как один из возможных центров Арсы — таинственного района или города Руси, упоминаемого арабскими источниками [10, с. 205; 11, с. 3—23].

Однако, предлагая свою интерпретацию памятника, И. В. Дубов в редких случаях подтверждает ее конкретными аргументами. Опубликованные материалы раскопок поселения никак не комментируются [8, с. 148—187, рис. 5—47], а статьи сопровождаются лишь изображениями отдельных находок. Анализ источников заменен авторской схемой, отчего выводы автора отнюдь не кажутся бесспорными, а в некоторых случаях противоречат материалам.

Как ни странно, до сих пор остается загадкой истинная площадь поселения. В текстах большинства публикаций она определяется в 10 га. Однако на переходящем из статьи в статью единственном плане размеры селища примерно в 2 раза меньше и составляют 5—6 га [6, с. 111, рис. 1; 8, с. 202, рис. 5; 9, с. 167, рис. 4, и др.] И это не ошибка из-за путаницы с масштабом. Размещенная на том же плане курганная группа, размеры которой всегда, начиная с раскопок А. И. Кельсиева, определялись в 4—4,5 га [6, с. 112; 12, с. 11], позволяет легко

определить немногим большую площадь поселения. Непосредственное знакомство с памятником подтверждает, что истинные размеры селища не превышают 6 га, а это согласуется и с изначальными данными И. В. Дубова, приведенными в его первой публикации [13, с. 66].

Для поселений IX—X вв. и эта цифра достаточно весома. Но в сравнении с другими широко известными и, как принято считать, аналогичными памятниками Руси Тимерево выглядит скромно: размеры Гнездовского селища 16 га [14, с. 6], Старой Ладogi — 16—18 га [10, с. 192]. Территория географически близкого Ростова в начале XI в. составляла не менее 15 га, а в округе города существовали поселения, не уступавшие по обширности Тимереву [15, с. 26—32]. Не менее крупные селища известны на Плещеевом озере и в округе Суздаля.

Отличают Тимерево особенности топографии и внутренней структуры. Все без исключения раннегородские торгово-ремесленные центры возникали непосредственно на побережье — вблизи моря, озер или крупных судоходных рек. Таковы Бирка, Волин, Ральсвик и др. в Скандинавии и странах Балтики, Старая Ладога, Гнездово — на Руси. Аналогичные топографические особенности отличают и некоторые старейшие русские города: Новгород, Ростов, Белоозеро. Низинное, во многом небезопасное и неудобное расположение объясняется структурой экономики и связанным с ней укладом жизни. Поселения были ориентированы на торговлю, служившую мощным стимулом и для развития производственной деятельности [16, с. 8—89, рис. 22, 27—30, 37; 17, с. 163—167, рис. 61—64].

Независимо от конкретных, порой непредсказуемых событий истории во всех раннегородских центрах на каком-то этапе развития строились укрепления. Другой характерной чертой их структуры является многочисленность групп погребальных памятников, не составлявших единого массива. Существование отдельных кладбищ отражало этнические, социальные и религиозные различия групп населения [18, с. 72—84, 105, рис. 18, 23].

Тимерево не имеет ни одного из перечисленных признаков. Селище расположено в труднодоступном месте в 12 км от Волги, на высоком коренном берегу р. Которосли в 3 км от ее русла. Протекающая у подножия речка Сечка, приток Которосли, настолько мала, что даже в древности при полном водосборе не могла быть судоходной. Поселение не имело укреплений. Трастовка выявленной на одном из раскопов линии неглубоких столбовых ям как остатков мощной ограды [8, с. 165, рис. 21] неубедительна и едва ли правомерна. Курганы при всем разнообразии отдельных черт погребального обряда составляют единый примыкающий к поселению массив. Связь с поселением двух находившихся в отдалении курганных групп у дер. Малое Тимерево (7 насыпей) и Гончарово (12 насыпей) [19, с. 211, № 495] проблематична. Малые курганные могильники характерны для более позднего времени — второй половины XI—XII в. В данном случае эта датировка подтверждается раскопанными погребениями по обряду ингумации при одном возможном случае сожжения [13, с. 65].

Нет оснований рассматривать Тимерево как крупный ремесленный центр. Несмотря на большую исследованную площадь, следы производственной деятельности немногочисленны. Найдено несколько мелких слесарных (?) инструментов, кузнечные заготовки, железный шлак, обломки льячек и литейные формочки, опиленный лосновый рог. Отмечены вероятные следы одной металлообрабатывающей мастерской. Занятия жителей кузнечным, бронзолитейным, костерезным делом несомненны, но, судя по всем данным, степень развития этих ремесел не превышала уровень, обычный для большинства поселений рассматриваемого времени. Говорить о широком товарном производстве не приходится.

Нет достоверных данных и о типах строений и планировке поселка, которые могли бы дать дополнительную информацию о хозяйстве и занятиях жителей. Предложенная реконструкция построек воспринимается как курьез: поселение

предстает в облике охотничьего стойбища с амбарами на столбах для защиты от хищных зверей и полуземляночными жилищами-коридорами.

Поселок не отличался многолюдностью. Число жителей Тимерева по принятой системе подсчета на основании количества захоронений и времени функционирования могильника определяется в пределах 130 человек. Для сравнения население Бирки оценивается в 500—600 человек, а Хедобю — в 1000 человек [2, с. 114].

Таким образом, Тимерево по своим сравнительно небольшим размерам, особенностям топографии, простоте поселенческой структуры, числу жителей и уровню развития ремесел не может рассматриваться как ранне- или протогородской центр на уровне широко известных центров стран Балтики, Скандинавии и Древней Руси. Очевидно, для конкретного анализа специфики поселения нужно изменить масштаб исследования и от европейской карты перейти к карте Северо-Восточной Руси.

Здесь крупные селища периода расцвета Тимерева — середины X — начала XI в., расположенные в сходных топографических условиях, обычны для всех центральных районов Ростово-Суздальской земли [15; 20, с. 147—148]. Таковы, например, Воскресенское на р. Которосли, Угодичи, Шурскол II, Кустерь, Согило I на оз. Неро, Городище, «Слуда», Криушкино, «Ботик» на Плещеевом озере, Гнездилово и Васильки у Суздаля. Географически близки к Тимереву Михайловское и Петровское, известные благодаря своим курганным группам, идентичным по материалам тимеревскому некрополю. Приведенный список далеко не полон, и каждый год приносит открытия новых крупных древнерусских селищ. Сравнение материалов тимеревского поселения с результатами раскопок других памятников свидетельствует об одинаковом уровне и в целом близком облике материальной культуры населения [20, 21]. Не выделяется на общем фоне коллекция тимеревского селища спецификой и богатством «импортов». Аналогичные изделия — костяные односторонние гребни, «курганные» ножи с трехслойной структурой клинка, ланцетовидные наконечники стрел, гончарная болгарская керамика и т. д. к началу XI в. достаточно широко использовалась в быту населения Северо-Восточной Руси [22, с. 67—79]. Привлечение в этой связи инвентаря погребальных комплексов Тимеревского могильника — не корректно в научном отношении, так как обращение к материалам иного типа археологического источника требует и соответствующих источников для сравнения. Но у абсолютного большинства древнерусских поселений Северо-Восточной Руси некрополи не сохранились. Впрочем, известная коллекция владимирских курганов показывает, что инвентарь ранних захоронений ростовских, суздальских и плещеевских (переславских) курганов по разнообразию не уступал тимеревским [23, с. 129—162].

Приведенные факты свидетельствуют, что интерпретация Тимерева как протогородского и, следовательно, во многом уникального по своему облику и исторической роли поселения в археологическом контексте подтверждения не находит. В противном случае пришлось бы признать, что весь центр Ростово-Суздальской земли был насыщен протогородами, особенно в округе городов истинных.

Требует внимательного рассмотрения и тезис о ведущей роли Тимерева как торгового центра. По концепции И. В. Дубова, это торговые ворота на волжском пути в Ростовскую землю. Как весомый аргумент в пользу значимости поселения используются два клада куфических монет 60—70-х годов IX в. И тот и другой относятся к начальному периоду существования поселка, так как говорить о его возникновении в первой половине столетия нет оснований [24, с. 285]. Общая датировка поселения определяется прежде всего курганными материалами, а наиболее ранние погребения относятся к концу IX в. [1, с. 8; 3, с. 70—88].

При рассмотрении всей группы верхневолжских кладов и других известных находок импорта тимеревские находки оказываются относительно поздними,

«вторичными». В район оз. Неро арабское серебро, найденное в составе трех кладов (Угодичи, Сарское), попало еще в начале IX столетия. Рубежом VIII—IX вв. датируются первые вещевые импорты Сарского городища [25, с. 141—149]. В глубине Волго-Клязьминского междуречья, около будущего Юрвева на р. Колокше (городище Выжегша), обнаружены клад куфических монет и свинцово-оловянистые слитки, оставленные в 40-х годах IX в. [26, с. 149, 150]. Совершенно очевидно, что торговые связи Ростовской земли оформились задолго до возникновения Тимерева, еще в эпоху самостоятельного существования мери.

К этому следует добавить, что клады IX в. Верхнего Поволжья не отражают степень развития торговли, и, в частности, насыщенность рынка арабским серебром. Если для IX столетия в бассейнах Клязьмы, Которосли, Мологи и Шексны известно 11 кладов, то для периода X—XI вв. — всего 2, хотя пик распространения куфических монет в Восточной Европе, доставляемых благодаря именно волжской торговле, приходится как раз на это время [27, с. 14, 15].

Таким образом, верхневолжские клады, в том числе и тимеревский, не могут служить доказательством существования постоянных торговых дорог с Востока. Там, где действительно существовали пути и торжища, сокровища попадали в землю на протяжении всего периода их функционирования. Примером тому служат Старая Ладога и Новгород в Поволховье, Гнездово в Верхнем Поднепровье, Киев в Среднем Поднепровье, Борки в рязанском Поочье.

Анализ источников показывает, что в IX в. прямой транзитной торговли по Волге (Каспий — Балтика) не было. Операции восточных купцов велись через Хазарию и ограничивались территориями низовьев Волги и Камой. В славянские земли основной путь шел по Дону с выходом на Оку. Волга выше устья Камы оставалась пустынной. Не существовали и внутренние сквозные дороги с Оки в Волго-Клязьминском междуречье [28, с. 1—6; 29, с. 16—19].

Этот регион, как показывает состав импорта, по крайней мере с рубежа VIII—IX вв. оказался включенным в сферу балтийской торговли [25; 28; 29, с. 18]. Что касается куфических монет в кладах IX в. Верхнего Поволжья, то их появление также связано с Северной Русью и европейской торговлей. Такой неожиданный на первый взгляд вывод ничуть не противоречит письменным и археологическим источникам и вполне исторически объясним. Арабское серебро с конца VIII в. служило единым стоимостным эквивалентом во всей Восточной и Северной Европе, и нет ничего удивительного в том, что оно попадало через посредников и в Верхнее Поволжье. Не случайно во всех поддающихся проверке случаях в комплексы кладов либо входили предметы европейского происхождения, либо подобные изделия находились в синхронных слоях поселений или в погребениях того же времени, [26, с. 149; 28, с. 1—6]. Явную связь тимеревского серебра с севером Европы подчеркивают рунические граффити на монетах.

Становление прямой восточной торговли Ростовской земли происходит в X в., преимущественно во второй его половине. В это время меняется география торговых путей. Основным международным центром на Волге становится Волжская Булгария, а значение традиционного пути по Дону с падением Хазарии уменьшается. Появляется дорога с Волги по Оке в глубь уже древнерусского междуречья, однако первоначально не по Клязьме, как принято считать, а через Муром и далее через знаменитые муромские леса к суздальскому ополью [30, с. 11, 97]. В результате возникает постоянный волжский путь, в системе которого Северо-Восточная Русь явилась звеном, объединившим ранее существовавшие сферы западной и восточной торговли. Процесс складывания к началу XI в. единого волжского рынка надежно документирован археологическими материалами Руси и Волжской Булгарии [31, с. 167—172; 32; 33, с. 139—145; 34, с. 20—37; 35, с. 76, 88; 36, с. 178]. Юридическое оформление сложившихся экономических отношений получили в русско-болгарских договорах 986 и 1006 гг. [37, с. 10—14].

В свете выявленной динамики развития торговых связей Северо-Восточной Руси роль Тимерева как ведущего торгового центра оказывается весьма сомнительной. Во всяком случае, историческая реальность IX—X вв. никак не обуславливала развития за счет торговли не слишком удобно расположенного населенного пункта. Средоточием жизни всегда был густозаселенный район оз. Неро. Первоначально здесь существовали обширные мерянские поселения во главе с Сарским городищем, а к концу X в. сложилась мощная древнерусская округа Ростова [15, с. 26—32; 38, с. 61, 62]. При столь интенсивном развитии центральной области северо-востока Руси и отмеченном летописью внимании первых князей к Ростову возникновение еще одного сопоставимого по значению центра всего в 30 км от границы ростовской округи едва ли было возможным. К тому же благодаря развитию прямого пути с Оки Тимерево оказывается «передовым пунктом» лишь в пределах своего «волжского угла» — в районе будущего Ярославля.

В развитие идеи о торговых функциях Тимерева была высказана мысль, что поселение являлось контрольным или опорным пунктом «княжеско-дружинной администрации» на волжском пути в IX—начале X в. Вместе с Тимеревым в эту систему включены селище у с. Городище на Плещеевом озере и городище с прилегающим древнерусским селищем у с. Васильки на р. Нерль [10, с. 214, 215]. Но, как показали исследования последних лет, селище на Плещеевом озере — одно из многих равноценных в округе, а городище у с. Васильки является памятником раннего железного века. Что касается расположенного здесь селища, то расцвет этого поселения приходится на более позднее время — XI—XIII вв. Таким образом, предложенная умозрительная схема совершенно произвольна, не имеет доказательств и к тому же явно модернизирует историю, переноса в раннюю эпоху явления, свойственные развитому государственному строю. Дани Олега, погосты Ольги, полюдье Игоря, походы Святослава достаточно ярко характеризуют основные направления и формы политики первых князей в конце IX—X в. и уж никак не ранее этого времени. Первое княжеское деяние государственного значения на северо-востоке Руси — основание Ярославом Мудрым города своего имени в устье Которосли в начале XI в., что и ознаменовало окончательное установление княжеской власти на ранее освоенной территории близости от ростовской округи.

Итак, в рассмотренной концепции о месте и роли Тимеревского поселения в истории Руси ни один из выдвинутых тезисов не подтверждается конкретными данными истории и археологии. Изменим еще раз масштаб исследований и обратимся теперь непосредственно к памятникам ярославского течения Волги — ближайшему окружению Тимерева. В этой связи вызывает интерес выдвинутая И. В. Дубовым теория «переноса городов», частным случаем которой, по мнению автора, являются исторические взаимоотношения поселений в устье Которосли [9, с. 98]. Речь идет о переходе роли социально-экономического центра от Тимерева к Ярославлю. Теоретическое обоснование идеи сформулировано им следующим образом: «„Перенос“ городов имеет место в тех случаях, когда новый нарождающийся класс феодалов не в состоянии полностью переломить племенную знать, отчаянно цепляющуюся за свою власть, основанную на родовых устоях и порядках. Этот класс пока не имеет возможности целиком подчинить себе все сферы жизни и деятельности старых сформировавшихся центров» [9, с. 31].

Выдвинутое положение, в котором справедливо отмечены противоречия эпохи сложения классового общества, претендует на универсальность и отражение общей исторической закономерности, но едва ли что проясняет в понимании исторической реальности IX—X вв. Само название процесса — «перенос городов» — представляется неудачным. Слово «перенос» подразумевает перемещение под действием какой-либо силы, и его использование придает всей идее излишнюю механистичность. Кроме того, для «переноса» города необходимо его существование. В контексте же речь идет о смене догородских поселений собственно городами.

Приведенная формулировка противоречит авторской концепции Тимерева-протогорода. О какой «отчаянно цепляющейся за власть племенной знати» можно говорить, если само возникновение раннегородских центров означало качественно новый этап общественного развития [16, с. 83—86; 18, с. 100—119], разрушавшего родоплеменные устои. Для племенной знати в таких поселениях места не было. Но главное заключается в том, что Северо-Восточная Русь не являлась собственно славянской территорией и в рассматриваемую эпоху была колонизируемой окраиной государства. Это в значительной степени должно было определять специфику местной социально-экономической структуры, одной из особенностей которой было отсутствие исторически сложившихся племенных общностей и, следовательно, ослабление или исчезновение пережитков прежней племенной организации. Исключение составляет автохтонное население — меря, но считать верхневолжские поселения типа Тимерева мерянскими нет никаких оснований.

Положение в исконно славянских областях могло быть иным, с другими свойственными им особенностями. Именно многообразие во всех аспектах раннего периода русской истории делает невозможным сведение всех вероятных путей развития городов к единой формуле. Для решения проблемы необходимы историко-археологические исследования конкретных исторических районов, что далеко не везде сделано и не всегда пока возможно.

Недостаточно изученной остается и округа Ярославля. Современный рост города уже сейчас сделал невозможным составление подробной археологической карты. Но даже имеющиеся сведения заставляют усомниться в роли Тимерева как прямого предшественника Ярославля. В ярославском Поволжье известны три синхронных археологических комплекса: Тимерево, Михайловское, и Петровское. Материалы принадлежавших поселениям курганных кладбищ позволяют говорить о тождестве всех трех памятников и ничем не подтверждает приоритетное положение Тимерева. Площади самих поселений примерно одинаковы, схожи и топографические условия их расположения. При полном равенстве основных археологических характеристик и отсутствии каких-либо иных источников кажется неясным: какому же поселению по княжеской воле должен был наследовать Ярославль?

Очевидно, понимая слабость аргументации предложенного «переноса города», в одной из последних работ И. В. Дубов исправил свою схему. Теперь Ярославль перенимает от Михайловского функции социального центра (вспомни оружие в курганах), а от Тимерева — экономического. Петровскому остается роль большого села [9, с. 98]. Комментировать очередной вариант излишне. Это явный пример авторского произвола, разрушающий по сути дела и прежнюю концепцию сменяющих друг друга двух центров. С тем же успехом можно «передать» Ярославлю и сельскохозяйственные функции Петровского селища, которое, кстати, по своим размерам едва ли не превышало Тимерево [9, рис. 6].

Отмеченное существование нескольких однотипных поселений не дает оснований предполагать наличие среди них какого-то особого, предшествовавшего Ярославлю центра. Можно лишь утверждать, что еще до основания города земли в устье Которосли и по близким волжским берегам были достаточно хорошо освоены.

Что касается места Тимерева в иерархии поселений, то справедливым кажется мнение М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной, оценивающих его как один из центров округа на территории ярославского Поволжья [2, с. 114; 3, с. 88]. Аналогичными по значению могли быть Петровское и Михайловское селища. Как известно, в ранней административно-территориальной системе древнерусского государства опорными пунктами княжеской власти на местах являлись погосты. Такая трактовка роли тимерева поселения достаточно для того, чтобы объяснить присутствие вооруженных дружинников и занятие

торговлей жителей поселения, сосредоточение в их руках определенного богатства или, более широко, прибавочного продукта. Однако и предложенная интерпретация потребует в будущем дополнительных аргументов. Необходим сравнительный материал раскопок новых памятников.

Именно невнимание к сравнительному материалу составляет, на наш взгляд, основную методический недостаток концепции Тимерева-протогорода — центра торговли. Памятник рассматривался вне своего «археологического контекста». Это повлекло за собой смещение оценок. *Источниковедческая* значимость хорошо изученного памятника была воспринята как свидетельство исторической значимости самого поселения. В результате оказалось нетрудным, не мучаясь сомнениями, включить Тимерево в систему трансевропейских центров и возвести его в ранг протогорода.

В заключение несколько слов о многоэтничном составе населения Тимерева. Считается, что многоэтничность — один из признаков протогородского центра. Этот вопрос решается в основном на материалах погребений и требует особого рассмотрения. Однако отметим, что сочетание различных по происхождению элементов погребального обряда и инвентаря отнюдь не является особенностью только тимерева курганов. Аналогичные черты известны в захоронениях других ярославских и владимирских курганных могильников. В этом отношении показательное широкое распространение таких характерных культовых предметов, как глиняные лапы и кольца. Они встречены в курганах под Ростовом, Суздалем, Ярославлем, Переславлем — во всех наиболее ранних по времени освоения районах Северо-Восточной Руси. Пестрый этнический состав населения Северо-Востока в конце IX — начале XI в. является закономерным следствием проходившего процесса освоения новой территории. Не случайно разнородный материал древнерусских селищ не дает возможности вычленить «славянский комплекс» материальной культуры этого времени, хотя славянский приоритет в сложении древнерусского населения в доказательствах не нуждается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
2. Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.
3. Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.
4. Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2.
5. Булкин В. А., Дубов И. В. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
6. Дубов И. В. Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
7. Дубов И. В. Тимерево (итоги и перспективы исследований) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
8. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
9. Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
10. Киричичиков А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986.
11. Мачинский Д. А. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985.
12. Кельсиев А. И. Раскопки, проведенные в Ярославской и Тверской губерниях в 1878 г. // Оттиск протоколов заседаний по устройству Антропологической выставки. № 38. М., 1878.
13. Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у дер. Большое Тимерево (по археологическим и палеоэтнографическим данным) // Вестн. ЛГУ. 1975. Вып. 2, № 2.
14. Пушкана Т. А. Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья IX—XI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: МГУ, 1974.
15. Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. Вып. 179.
16. Херрман Я. Славяне и скандинавы в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986.